

С. В. Семенцов

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ ПРИНЕВЬЯ ДО ОСНОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ВОДСКАЯ ПЯТИНА И ИНГЕРМАНЛАНДИЯ

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, ул. 2-я Красноармейская, 4

В статье на основании данных древнерусских летописей (VIII–XIV века), средневековых скандинавских текстов (X–XIV века), писцовых книг новгородского, московского и шведского времен (XV–XVII века), шведской картографии (XVII век) рассматриваются вопросы выявления системы расселения территорий Приневья, Приладожья и зоны Финского залива во времена до основания Санкт-Петербурга. Складывается картина формирования и устойчивого развития на протяжении столетий сельской системы расселения, включавшей тысячи населенных пунктов и тысячи верст дорог. Пространственно-планировочные особенности исторической системы поселений имели преимущественно северо-русский характер «гнездового построения». Сотни поселений и тысячи километров дорог были включены с 1703 г. в планировочную структуру и квартально-слободскую ткань столичного Санкт-Петербурга и его пригородной зоны. Тем самым со времен Петра I проводилась масштабная реконструкция исторической сельской системы расселения Приневья в столичную городскую агломерацию регулярного типа. Это полностью отвергает устоявшуюся мифологию о создании Санкт-Петербурга на пустом месте, без учета исторического пространственного наследия. Библиогр. 36 назв. Ил. 6.

Ключевые слова: Петр I, планировочный каркас и градостроительная ткань Санкт-Петербурга, сельская система расселения Водской пятины, Ингерманландия, Писцовые книги, шведская картография.

TOWN-PLANNING DEVELOPMENT OF TERRITORIES ALONG THE NEVA RIVER BEFORE THE FOUNDATION OF ST. PETERSBURG: VOTIC PYATINA AND INGERMANLAND

S. V. Sementsov

St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
4, ul. 2-ya Krasnoarmeyskaya, St. Petersburg, 190005, Russian Federation

On the basis of the Old Russian chronicles (8th–14th centuries), medieval Scandinavian texts (10th–14th centuries), Inventory Books of Novgorod, Moscow and Swedish periods (15th–17th centuries), the Swedish cartography (17th century), the issues of identification of the settlement distribution system on the territories along the Neva River, around the Ladoga Lake and the zone of the Gulf of Finland during the period before the foundation of St. Petersburg are considered in the article. The picture of formation and sustainable development during several centuries of the rural settlement distribution system including thousands of settlements and numerous versts (Russian measurement units) of roads is shown. Spatial and planning features of historical system of settlements had mainly North Russian nature of “nest-type construction”. Hundreds of settlements and thousands of kilometers of roads were included from 1703 to 1712 into the planning structure and quarter — sloboda (rural settlement) fabric of the capital city of St. Petersburg and its residential suburbs. Thereby, from the times of Peter I, a large-scale reconstruction of the historical settlement distribution system was carried out on the territories along the Neva River, turning the city into the urban capital agglomeration of the regular type. All this enables us to completely reject the established mythology about creation of St. Petersburg from scratch, without taking into account the historical spatial heritage. Refs 36. Figs 6.

Keywords: Peter I, planning framework and town-planning fabric of St. Petersburg, rural system of settlements distribution on the territory of Votic Pyatina (*Wattlande*), Ingermanland, Inventory Books, Swedish cartography.

Санкт-Петербург еще при Петре I создавался как нестандартный во всех отношениях, непривычный для европейской градостроительной теории, для европейской и российской практики город, даже не город, а огромная столичная агломерация. Регулярная агломерация, не знавшая себе равных на протяжении веков. С 1712 г. (не с 1703!) его неординарная, явно не нашедшая русских и западноевропейских аналогов градостроительная и пространственная структура, начинавший формироваться столь же необычный как для России, так и для всей Европы архитектурный облик, вся обширнейшая, несопоставимая с европейскими вариантами, территориально развитая фортификационная система, особо сложное (возможно, даже усложненное) функциональное устройство города с его многочисленными слободами, предместьями, пригородными и загородными территориями, явная и подчеркиваемая многонациональность и многоконфессиональность устройства его населения — все это с тех лет начинало собираться в сплав, из которого была выкована не имевшая аналогов столица мирового уровня.

Чтобы войти в круг столиц мирового уровня, требовалось соответствовать многим параметрам. Причем в качестве одной из важнейших особенностей все мировые столицы тех времен — Париж, Рим, Лондон, Флоренция, Амстердам и т. д. — имели обширные пласты городской мифологической истории. В те времена столица обязана была иметь мифы и легенды. А начинавшийся Санкт-Петербург (позднее ставший Санкт-Петербургом) такой мифологии еще не успел «нажить». Но уже со времен Петра I в культурной ауре Санкт-Петербурга возникли (или специально были созданы?) и стали укрепляться несколько значимых легендарных тем. Среди них — одна из самых укоренившихся и популярных на протяжении более 300 лет легенда (подкрепленная к тому же авторитетом многих великих деятелей русской культуры, не имевших, однако, отношения к истории) о том, что грандиозный столичный город со всеми его пригородами создан Петром I на пустом месте, среди болотистых и необжитых земель. Так ли это? Были ли земли Приневья до начала XVIII века исторически необжитыми? Или здесь веками существовало что-то другое, что было впоследствии скрыто за мощными стенами мифологизации.

Чтобы найти ответы на эти вопросы, необходимо более внимательно изучить реальные исторические данные. Для истории градостроительства наиболее важными являются территориальные вопросы изучения этой темы, на периферии исследования при этом остаются темы возникновения, развития и усиления данных легенд, прояснения побудительных мотивов, источников, влияния на рождение и жизнь мифов борьбы разных политических, сановных, социальных, генеалогических, экономических, геополитических и региональных сообществ и кланов и т. д. При этом, во-первых, нужно рассматривать территории, на которых впоследствии сформировался Санкт-Петербург, хронологически, используя различные «своды» источников, чтобы решать разные типы задач и достигать разных по точности решений. Вторым важнейшим моментом должна стать возможность формирования наиболее полных списков (с учетом разных политических, социальных, экономических и других классифицирующих характеристик) объектов системы расселения, с максимально точной их локализацией на картах и на местности. В-третьих, необходимо изучать не только территорию современного центра Санкт-Петербурга (во многом тождественную историческому Санкт-Петербургу XVIII — начала XX века), но и зону Большого Санкт-Петербурга, всей Санкт-Петербургской агломерации (столичного мегацентра,

периферийного пояса, пояса предместий, пояса пригородов, окраинных зон агломерации с их целостным коммуникативным каркасом), т. е. в совокупности всю территорию, на которую распространяется зона влияния города на Неве. Такой подход позволяет выделить несколько групп источников, различающихся хронологически, а также предоставляющих разные по степени информативности данные.

Древнерусские летописные исторические данные, как и данные иностранных источников (скандинавских саг, северо-европейских хронографов и т. д.) вплоть до середины XV века могут быть использованы для проявления тенденций и динамики освоения изучаемых территорий, для локализации отдельных, наиболее крупных (или наиболее важных в политической и социально-экономической жизни) городов и поселений, но они не покажут всей системы расселения в ее целостной картине и особенностях.

Массовый текстовый архивный материал пятин Новгородской земли, погостов Московского государства (писцовые, обыскные, платежные, дозорные, оброчные и другие книги), накопленный начиная с середины XV века, дает возможность изучать сплошное поле заселения территорий без крупных пространственных и хронологических лакун. Можно выявить все (или почти все) населенные пункты, их списочный состав, размеры, социальную и экономическую значимость и т. д., но, к сожалению, нет возможности сплошного картирования всех поселений, т. е. возможности их точного определения на пространствах Приневья.

Исторические тексты и обширные своды карт и планов, а также атласы кадастровых землемерных планов погостов, шведской Ингерманландии XVII — самого начала XVIII века позволяют уже не только в подробностях изучать систему расселения Приневья и Приладожья, в том числе в привязке к системе расселения дошведских новгородского и московского периодов, но и выявить ее картографические характеристики.

В единстве все эти источники не только позволяют изучить динамику того, как освоение территорий Приневья и Приладожья отражалось в разнообразных исторических источниках, но выявить саму историческую систему расселения на этих территориях.

Важнейшими элементами исторической системы расселения являются:

- система административно-территориального деления всей территории;
- система крупнейших опорных пунктов разного функционального назначения (многофункциональных городов, крепостей, центров погостов, замков и усадеб крупных землевладельцев, торговых городков и т. д.);
- система поселений (разных величины, функционального назначения и т. д.);
- система сухопутных и водных дорог и магистралей;
- система землевладения и различного функционального освоения территорий;
- система визуальных и символических доминант и объектов (храмов разной конфессиональности с вертикалями их зданий, капищ, особых природных и искусственных знаков и т. д.).

С древнейших времен через территорию Приневья проходил и проходит до настоящего времени (!) крупнейший трансконтинентальный коммуникационный коридор «север—юг», соединяющий зону Северной Европы с Южной Европой и всей Азией. В Средние века одна ветвь этого коридора вела из Скандинавии, через Бал-

тийское море, Неву, Ладожское озеро, Волхов, Днепр в Черное, а затем — в Средиземное море и называлась «Путь из Варяг в Греки». Другая ветвь из Скандинавии, через Балтийское море, Неву, Ладожское озеро, Волхов, Волгу вела в Каспийское море, а оттуда — в разные страны Азии и называлась «Великий Волжский путь». Очень показательно, что стержневыми элементами обоих путей являются река Нева, Ладожское озеро и река Волхов. Контроль над этими водными магистралями международной значимости имел важнейшее значение для многих стран и народов. Не случайно на Прибалтику, в том числе Приневье, по указаниям Пап Римских было организовано несколько (точнее — шесть) крестовых походов, именно для овладения этими критически важными для всего Евразийского континента территориями. Борьба особого накала шла за прибрежные к Неве и Волхову пространства.

Этот транспортно-коммуникационный коридор сохранил значение до нашего времени, он существует и сейчас, и в документах ООН (1993–1994) обозначен как трансконтинентальный коридор № 9. И вокруг него столь же активно идет борьба, в том числе — за контроль над ним и за его развитие.

Следует учитывать также складывавшийся на протяжении тысячелетия пограничный характер этих территорий, порубежность между славянским народом и «немцами», между православием и католицизмом. Это вело не только к формированию особого менталитета населения, к акцентам в политической, социальной и экономической жизни, но и к специфическим особенностям заселения территорий, к преобладанию некоторых типов объектов. Например, к усиленному созданию фортификационных сооружений (как опорных элементов оборонительного освоения территорий) и к размещению храмового зодчества (как опорных элементов системы закрепления православия в этих пространствах).

Точно так же для уяснения исторических особенностей системы расселения Приневья огромное значение имеют климатические условия (тайга, высокая заболоченность территорий, островной характер размещения пригодных для проживания земель среди необъятных топей, многочисленность озер и рек и т. д.), которые предопределили использование особых типов поселений — городов островного и сегментного типа (часто на мысах при впадении рек-притоков в крупную реку), размещение усадеб вне главных поселений, преобладание многочисленных небольших хуторов, а также часто — «гнезд поселений», включающих центральное село или крупную деревню с размещенными вокруг них малыми деревнями и хуторами, «привязанных» к водным и сухопутным трассам, к зонам существования незаболоченных «островков» и территорий.

Для Древней Руси VIII–XIII веков наиболее комплексными и информативными являются Лаврентьевская (ЛЛ), Ипатьевская (ИЛ), Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ) [1–3]. На территориях Приневья и Приладожья суммарно, в летописных текстах, датированных до 1000 г., упомянуты «всего» пять городов: Белоозеро, Новгород, Изборск, Ладога, Псков. В текстах за 1001–1100 гг. отмечены также 5 населенных пунктов: Белоозеро, Волок Ламский, Новгород, Псков, Юрьев Чудьской. В 1101–1200 гг. упомянуты уже 22 населенных пункта: Белев, Белоозеро, Боровой, Волок Ламский, Воробьин, Ворч, Дубровна Новгородская, Еменец, Клин Новгородский, Ладога, Луки, Медвежья Голова, Налючи, Новгород, Псков, Свинород, Старая Руса, Торжок или Новый Торг, Устья Новгородские, Хоружьи, Черняны, Юрьев Чудьской. А в период 1201–1250 гг. — 33 населенных пункта: Бе-

жицы, Белоозеро, село Буйце, Велье Чудьской, Волок Ламский, Воробьин, Городец на Шелони, Дубровна Новгородская, Изборск, Исады Новгородские, Кесь, Клин Новгородский, Колывань, Копорье, Ладога, Луга, Луки, Любно, Медвежья Голова, Моравьин, Морева, Новгород, Пертуев в земле ливов, Псков, Рига, Сабель, Середа, Старая Руса или Руса, Тесов, Тоймокары, Торжок или Новый Торг, Ходыничичи, Юрьев чудьской.

Таким образом, можно отметить, что всего в летописных сводах вплоть до 1250 г. на этих территориях отмечены 42 города и других населенных пункта, в том числе: 32 новгородских поселения (размерами и социальным масштабом от столичного города до монастырского села), 6 городов «в Чуди», 1 город в Латгалии, 1 город в земле ливов, 1 немецкий город. Параллельно с ними в текстах представлены Белоозеро, Волок Ламский. В НПЛ есть разного рода тексты и упоминания о 40 населенных пунктах, в ЛЛ — о 8, в ИЛ — о 13.

В летописных источниках также дано достаточно пунктирное и обобщенное описание и других особенностей территорий Новгородской земли. Так, в наиболее информативной для этих земель НПЛ младшего извода упомянуты Варяжское море (с 1242), оз. Ильмер или Озеро (с 1143), Ладозьское или Водьское озеро (с 1228), Серегер (с 1199), оз. Чудьское или Озеро (с 1212), реки Волга (с 1015), Волхов (с 980), Воронач (с 1164), Ижора (с 1240), Ловоть (с 1200), Луга (с 1240), Мста (с 947), Нева (с 1240), Омовьжь в Чуди (с 1234), Питьба (с 989), Тверца (с 1215), Череха (с 989), Шекъшна (с 1071), Шелонь (с 1217) [3].

Столь же отрывочной является информация, которую можно найти в средневековых скандинавских источниках. По данным Г. В. Глазыриной [4], Т. Н. Джаксон [5, 6], Е. А. Мельниковой [7], Е. А. Рыдзевской [8], М. И. Стеблина-Каменского [9] скандинавские источники, включающие материалы о Восточной Европе, хронологически могут быть подразделены на: рунические надписи (конец X–XI век), скальдические стихи (IX–XI века), саги (XII–XIII века), географические сочинения (XII–XIV века), саги о древних временах, древнейшие рифмованные хроники (XIII–XV века). Суммарно в этих источниках можно встретить не так много этнотопонимов, упоминаний о городах и поселениях наших земель. Среди территорий, государств и земель скандинавские авторы называли земли бьярмов (Bjarmaland), карел восточных (Austr-Kirjalar), куров или куршей (Curogum), ливов (Lifland), татар (Tattarariki), финнов (Meurkinni, Finnmarka), Фрисландию (Frisland), хельсингов (Helsingjaland), эстов (Estland, Hestiae), ямтов (Jamtaland) и ярнберов (Jarnberogum). Древнюю Русь обозначали как Восточное государство, Гарда, Гардарики, государство городских людей (Austrriki, Garda, Gardariki, Gardamanna, Ruscia, Ruziland). Упомянули в текстах Восточное или Балтийское море (Oeystra, Baltiki marus), о. Готланд (Gotland, Gotorum), о. Сааремаа, окружающие острова и прилегающий берег моря (Sysla, Eysysla), о. Эланд (Eyland). Среди древнерусских городов отмечены Алаборг на севере Руси (Alaborg) (?), Ладога или Альдейгьяборг (Aldeigjaborg), Новгород или Хольмгард и Новгородская земля (Holmgardr, Holmgardarriki).

Впервые река Нева упомянута в статье 1240 г. (по-старому — 6748) НПЛ, описывающей поход шведских войск на Неву. Новгородские войска под командованием князя Александра разбили их в Невской битве, которая произошла в устье Ижоры. Чаще всего внимание исследователей привлекали темы битвы. В данном случае хочется отметить, что события Невской битвы охватили не только место впадения Ижо-

ры в Неву, в летописи описаны действия на гораздо более обширном пространстве, включая зону современных Петроградского (Санкт-Петербургского) и Васильевского островов, взморья. Шведы, соединив свои войска с данниками «мурманами», а также с прибалтийско-финскими племенами «сумь» и «емь», сначала направились к устью Невы. Здесь в начале XIII века находился сторожевой пост новгородских (ижорских) дружинников под командованием воеводы Пельгусия, охранявший входы в Неву и начало Великого торгового пути (единое устье «Пути из Варяг в Греки» и «Великого Волжского пути»). Причем в тексте летописи обозначено: «...Стоящу же ему при краи моря, стерегущу обои пути, и пребусть въсю ночь въ бдении...» [3, с. 77]. Слова «обои пути» можно расшифровать как «два фарватера». А где проходили в дельте Невы эти два фарватера? Из летописных источников и сопутствующих текстов шведской «Хроники Магнуса» это невозможно выяснить, но из более поздних, шведских же данных XVII века ответ на вопрос может быть получен. Шведские карты второй половины XVII века обозначают, что главный в те времена «Старый фарватер» шел в Неву из западной части Финского залива севернее современного о-ва Котлин, а восточнее Котлина он подходил к дельте Невы и разделялся на два: между Финским берегом и современными Крестовским, Елагиным и Каменным островами продолжалась трасса «Старого фарватера», а между современными Петровским и Васильевским островами шло его ответвление — «Средний фарватер». Современный «Новый фарватер», главный востребованный в наше время и проходящий южнее о-ва Котлин, был открыт шведскими гидрографами не ранее 1680-х годов [10]. Знание трасс фарватеров позволяет приблизительно определить место нахождения новгородского сторожевого поста, на котором в 1240 (6748) г. размещалась дружина Пельгусия. С большой вероятностью это могла быть западная оконечность современного Крестовского острова или один из малых островков, которые были соединены с Крестовским при создании в середине XX века Кировского стадиона (рис. 1).

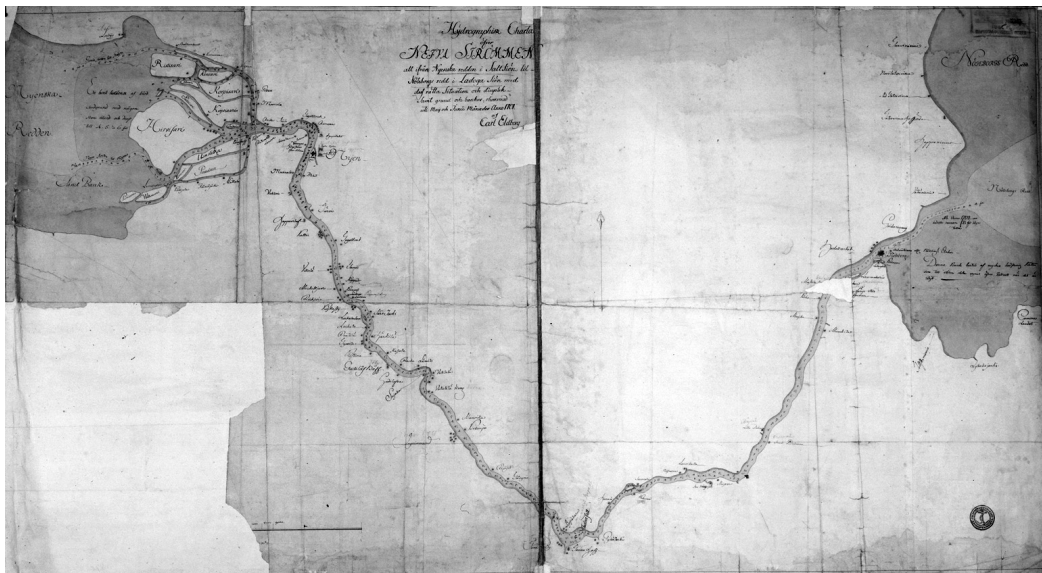

Рис. 1. Гидрографическая карта реки Невы от рейда Нена в Соленом озере до рейда Нотеборга в озере Ладога... Карл Элдберг. 1701 г. [10]

В следующий раз дельта Невы оказалась в центре особо пристального внимания в 1300–1301 (6808–6809) гг. Как известно, в 1300 (6808) г. шведские войска прошли по Неве, а находившиеся в их составе римские (латинские) мастера быстро выстроили в устье реки Охты, «...между Невой и Черной рекой на мысу, где сходятся обе эти реки...» [3, с. 91], дерево-земляную крепость Ландскрону (Венец земли). В крепости был поставлен гарнизон во главе с воеводой Стенем, корабли шведского флота были вплотную друг к другу размещены в естественной гавани в устье реки Охты (но часто исследователи утверждают, что корабли остановились на Неве). Летом того же года ладожане неудачно пытались выбить шведов из новой крепости, но уже весной 1301 (6809) г. новгородские дружины под началом князя Андрея подошли к Ландскроне и 19 мая штурмом взяли ее, избили шведский гарнизон, пленных увели, а крепость сожгли [11, с. 120]. Когда дружина ладожан подошла в 1300 (6808) г. к Ландскроне, то они попытались сжечь шведские корабли в устье реки, соорудив плоты и горящими отправив их по течению реки на шведские корабли: «...сделали из сухого дерева плоты... и подожгли, так что они ярко горели, и пустили их вниз по течению...», но попытка не удалась. Шведы перегородили реку сосной и плоты остановились, не дойдя до гавани с кораблями: «...Большая часть плотов остановилась на реке: поперек реки была положена большая сосна для того, чтобы плоты те не повредили кораблям...» [8]. Традиционно исследователи недоумевали: как можно перегородить одной сосной Неву? И видели в этих словах лишь поэтический оборот. Но если знать, что в то далекое время сухопутная дорога от Ладogi к устью современной Охты шла не по берегу Невы, а через зону современных Колтуш к среднему течению Охты и затем по правому берегу самой Охты до Невы (как и было точно отмечено позднее на картах шведского времени), то все становится на свои места.

По данным шведских карт конца XVII века сухопутный государственный тракт Нотеборг—Ниен (Notheborg—Nÿen) проходил от Нотеборга (шведский губернаторский город с губернаторским дворцом у истока Невы с крепостью Нотеборг, или по-русски Орешек) на запад вдоль северного (левого) берега Черной речки — одного из притоков Невы в районе Нотеборга; шел через мызу Мюстилла Хоф (Mustilla hoff); в районе деревни Луркина (Lurkina) была устроена переправа на правый берег Черной речки; далее тракт шел вдоль южного берега ручья (с XIX века именовавшегося Жерновка); проходил между озерами Кирицкое и Кркинское; шел мимо размещавшейся у южного берега Коркинского озера дворянской усадьбы Котснофвассова Хоф (Kotsnofwassava hoff); далее тракт доходил до погостского села Киелтис (Kieltis), поворачивал на север и шел вплоть до реки Любьи (Lubia gvar) — притока другой Черной речки (Svarte backen), известной сейчас как река Охта; после переправы на правый, северный берег Любьи тракт шел вдоль берега реки почти вплоть до ее впадения в Черную речку (в Охту); затем тракт отклонялся еще немного на запад и с севера подходил к Ниену, доходя до Конунгс-Гардена. Возможно, именно эта дорога (или ее часть от Орешка до реки Любьи) существовала и на рубеже 1300 г. И по ней шли ладожане к среднему течению Черной речки (современной Охты) и спускались к Ландскроне. Она может считаться одной из древнейших упоминаемых дорог Приневья. Кстати, эта дорога существует и в наше время [12].

Многолетние военные действия крестоносцев, направленные на отвоевание у Новгородской республики ее вековых приморских земель, как известно, были остановлены:

— наступление Немецкого ордена меченосцев на восток вдоль южного берега Восточного, Варяжского (современного Балтийского) моря к 1280 (6788) г. остановлено по линии Чудьского озера и по реке Нарове;

— наступления шведских крестоносных войск вдоль северного берега Восточного моря в 1323 (6831) г. после подписания в крепости Орешек (Ореховец) договора между Новгородом и Швецией остановлены на новой границе, которая стала проходить по рекам Сестре и севернее по Вуоксе, а затем по озерам и рекам Финляндии до самого берега современного Ботнического залива. Ранее находившиеся в новгородском данничестве земли «еми» и «западных карел» отошли к Швеции.

Все ближнее Приневье сохранилось в составе Новгородского государства. Стратегическая трансконтинентальная торговая трасса вдоль Невы и по Ладожскому озеру осталась под контролем Новгорода. В это время сформировалась новая государственная граница Новгородской республики, фрагменты которой воспроизводятся в трассировках государственной границы (или региональных административно-территориальных границ) вплоть до XX века. Линия Нарвы и реки Наровы (современная граница России с Эстонией) — это фрагмент трассировки границы 1280 г., а линия вдоль реки Сестры «Немецкий рубеж» (на который все время указывают финские историки) — фрагмент линии границы 1323 г.

В XIV веке продолжали появляться некоторые другие крепости и поселения. Среди самых знаменитых — крепость Орешек (Орехов, Ореховец), основанная и построенная в 1323 г., история которой связана с известным Ореховецким договором между Новгородской республикой и Швецией, заключенным в том же году.

Как видим, информация обширная, но явно недостаточная. Даже многочисленные археологические данные по изучению городов и крепостей Новгорода, Ладоги, Пскова, Изборска, Копорья, Корелы, Олонца, Орешка не дают подробной картины о системе расселения всей этой обширной территории [13, с. 34–35; 14–16]. Пока нет сводного картирования на всей этой территории городищ, селищ, курганов и курганных групп, захоронений средневекового периода, нет трассировки сети сухопутных дорог и водных магистралей. Поэтому система расселения просматривается лишь фрагментарно, пунктирно, очень зыбко.

А вот уже с середины XV века архивные документы дают в руки исследователей огромный и всеохватный материал для выявления исторической системы расселения на этих территориях. Ряд материалов указывает на историческую нестабильность государственной границы между Россией и Швецией. Она была на территориях севернее Ладожского озера значительно изменена по заключенному Тявзинскому мирному договору (1595), когда в результате компромисса (?) дьяков трасса государственной границы была перенесена на многие сотни километров на восток, хотя и считалось, что ее провели «по старине» [17].

На территориях Северо-Запада России во времена Новгородской республики и Московского государства периодически проводили различные переписи недвижимого имущества и населения. В том числе наиболее крупные: в 1495–1505, 1539, 1568, 1580–1582 гг.

Для нас особо драгоценной и наиболее информативной стала перепись, осуществленная в 1498–1501 гг. в Водской пятине специально посланными туда московскими дьяками Дмитрием Васильевичем Китаевым и Никитой Семеновичем Моклоковым (Губой) [18, 19]. Как известно, эта перепись проводилась после присоеди-

ния Новгородской республики к Московскому государству (1478). В борьбе против Новгородской республики Иоанн III Васильевич и его бояре провели несколько этапов повсеместной конфискации новгородских земель, передав их сначала в общий фонд Великого Князя Московского, а затем раздавая их в поместья московским служилым людям и боярским детям.

Современная Ленинградская область охватывает значительные территории бывших Шелонской, Водской, Обонежской пятин Новгородской республики, включая десятки уездов того времени [20]. Но на территории современного Большого Санкт-Петербурга и его ближайших пригородов (т. е. Санкт-Петербургской агломерации) во времена Великого Новгорода и Великого Московского княжества (XV–XVI века) размещались только 8 погостов Водской пятины: 5 погостов Ореховецкого (Ореховского) уезда — Спасской Городской, Воздвиженской Корбосельской, Ильинской Колтушской, Введенской Дудеровской, Никольской Ижерской погосты, а также 3 погоста Копорского уезда — Покровской Дятелинской, Дмитриевской Кипенской, Богородицкой Дягилевской погосты.

Административное деление этих территорий имело следующие ступени: пятина, уезд, погост, волость. В системе поселений Водской пятины можно отметить следующую шкалу поселений:

- города с многофункциональными посадками (торговыми, ремесленными, военными);
- города-крепости;
- рядки (торгово-ремесленные поселения и центры);
- погосты (центральные селения погостов с погостными церквями);
- села («вопчие»);
- сельцы;
- деревни («вопчие», оброчные, своеземские, монастырские);
- ямы (селения при магистральных дорогах с главными функциями поддержания в порядке дороги и обслуживания проезжающих);
- починки;
- пустоши.

Материалы Писцовой книги (1498–1501) дают возможность исследовать особенности землевладения, землепользования и системы расселения для трех качественно разных этапов:

— *до 1470-х годов*, т. е. в последние годы существования Новгородской республики с учетом устоявшейся новгородской системы землепользования и землевладения;

— *в 1470–1490-е годы*, т. е. в годы перехода от новгородской системы землевладения и землепользования к московской, в годы массового неоднократного переселения и массовых конфискаций земель (так называемое «старое письмо»);

— *в 1498–1501 гг.*, т. е. на этапе окончания массовых конфискаций и стабилизации нового населения при существенном изменении системы землепользования (так называемое «новое письмо»).

С максимальной точностью в текстах переписи представлены материалы «старого письма» и «нового письма», позволяющие выявлять по сохранившейся и опубликованной большей части рукописи каждый населенный пункт с точным количеством дворов и численностью мужского населения (т. е. мужчин — глав семей)

и конкретными социальными и функциональными характеристиками населения. Эти материалы неоднократно изучались историками [21–26]. Но при попытках их интерпретации исследователями уже здесь возникают существенные разногласия по ряду моментов. В первую очередь по вопросам выявления плотности размещения поселений, их локализации на территориях погостов и уездов, трассировке дорожной сети. Ведь, к сожалению, эти переписи не имели топографического сопровождения. Проще сказать — они были только текстовыми, без карт и планов. А сами тексты во многих местах показывают удивительную картину: многие поселения имеют одно и то же (или очень похожие) названия.

Для исследователей, далеких от истории градостроительства, эти тексты стали «камнем преткновения». Ведь традиционно считалось, что каждое селение (большое или малое) должно среди прочего отличаться названием. Но это не совсем так. По северо-русской традиции расселения для поселений, размещенных «гнездами», определялось единое, гнездовое название, закрепленное за главным, самым большим поселением, часто — «вопчим селом», «вопчей деревней». Малые селения (например, хутора) в составе «гнезд поселений» могли иметь свои названия, сохраняя также общее наименование своего «гнезда», но зачастую не получали по каким-то причинам своих малых названий. Поэтому многие малодворные селения (в 1–3 двора) имели названия своих главных поселений, но в реальности, в переписях обозначались как отдельные селения (хутора, мелкие деревни). Такой «гнездовой тип» организации селений сохранился до нашего времени в восточной части Ленинградской области, на Вологодчине, в Архангельской области, в Подвинье, вдоль побережья Белого моря и т. д. Интересно, что в историческом плане и на территории Приневья (западная часть будущей Ленинградской области), в Новгородской земле, во времена Новгородской республики также сохранялся этот массовый здесь тип построения групп селений и их исторической топонимики.

Кроме того, многие названия за века исчезли из реальной жизни (многие селения были переименованы или разрушены). Сотни селений было трудно «привязать» к конкретной топонимике и конкретной топографии. Потому и возникали ситуации, когда, например, в очень тщательных картографических исследованиях Архимандрита Сергия на его картах-реконструкциях погостов Водской пятины не нашлось места многим десяткам поселений [22]. И сами аналитические, т. е. создававшиеся в процессе изучения исторического материала, карты оказались явно сокращенными по информации (рис. 2). Такое же непонимание характерно и для многих современных исследователей.

Но важнейшим подспорьем для разрешения этого вопроса стали своды других исторических материалов. Во времена развития административно-политической, топографической, географической, в особенности земельно-кадастровой, картографии в XVII веке при шведах наконец-то появились карты и планы рассматриваемых территорий, именно на них были с максимальной точностью отмечены по возможности все (!) поселения, существовавшие в те времена. А переписи шведского времени показали явную преемственность размещения селений предыдущим новгородскому и московскому периодам [27].

Знание пространственных закономерностей формирования северо-русских селений, а также учет исторических данных массового картографического материала XVII века, когда на шведских достаточно точных кадастровых картах и планах

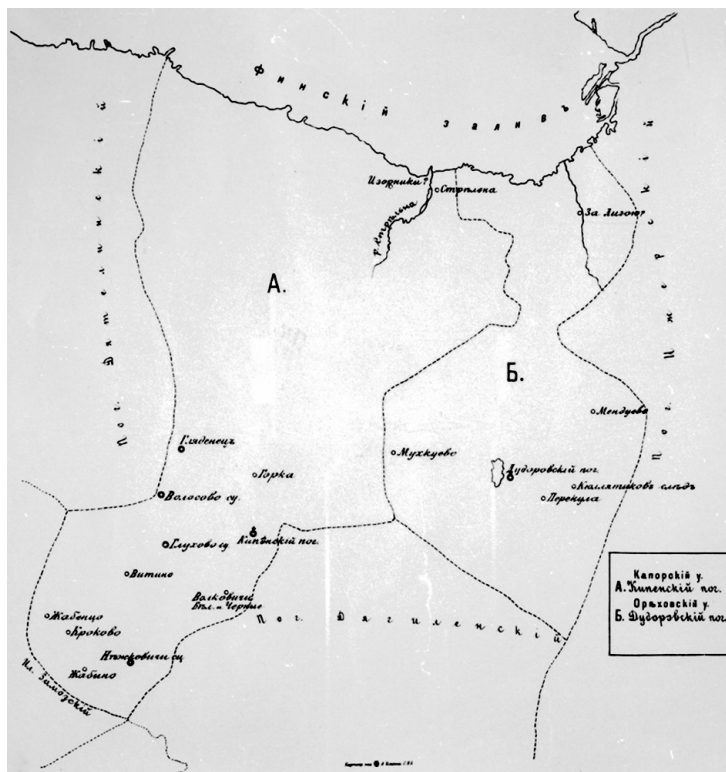

Рис. 2. Карта Копорского уезда (с Кипенским погостом), Ореховский уезд (с Дудоровским погостом) [22, карта 17]

обозначались каждое селение, каждая дворянская и владельческая усадьба, каждый храм, каждая мельница, каждый постоялый двор и т. д. — все это позволило по-другому подойти к проблеме выявления системы расселения этих территорий. С учетом всех дополнительных исходных данных для территорий 8 погостов (в границах современной Санкт-Петербургской агломерации) выявлено следующее.

В 1470–1490-е годы по «старому письму», т. е. сразу после присоединения Новгорода к Москве, на этих территориях еще было 49 волостей с 998 поселениями, в том числе: 8 селений-погостов с погостскими церквями и монастырями, 39 крупных многовладельческих «вопчих сел» и «вопчих деревень», 951 мелкая деревня (чаще всего на 1–3 двора). Во всех этих поселениях было уже не менее 2321 владельческих двора.

В 1501 г. по «новому письму», т. е. уже после проведенной здесь крупной реформы землепользования с заменой многих владельцев и арендаторов, на территории данных 8 погостов отмечено 49 волостей, в составе которых существовали 994 поселения разных размеров и разной значимости, в том числе: 8 селений-погостов с погостскими церквями, уже 133 крупных «вопчих села» и «вопчих деревни», 853 мелкие деревни. Здесь по переписи можно было насчитать 2 823 двора.

Резкое увеличение «вопчих» сел и деревень связано с переводом сюда вместо целенаправленно вывезенного по указанию царя новгородского населения многих тысяч служилых и крестьян из подмосковных местностей, где традиционно развиты

были не «гнезда селений» (с единым крупным центром и обособленными небольшими поселениями, размещенными на отдалении друг от друга по дорогам), а крупные, непрерывные по планировке, часто многоуличные селения с единым центром. Таким образом, новгородская система планировки селений начинала заменяться на подмосковную, свойственную для Центральной России [28].

Эти данные существенно меняют картину понимания степени заселенности территорий Приневья уже в дошведские времена — в новгородский и московский периоды. И эта картина показывает практически на порядок более высокую плотность населения и намного большую густоту расселения на этих территориях. Тем более, нужно учесть, что между населенными пунктами существовали тысячи верст разного класса дорог. В том числе государственных трактов, на которых существовали ямы — поселения, население которых — ямщики несли государственную службу по обеспечению сохранности дорог, организации почты и езды на дорогах.

С конца XVI века, после неоднократных нападений шведских войск, земли от Финского залива до Ладожского озера фактически перешли под управление Швеции. В 1582 г. московские дьяки Елизарей Старой и Семен Киселев не смогли выполнить очередную перепись Ореховского, Корельского, Копорского и других уездов (всего на территориях 38 погостов Новгородской земли, в том числе полностью в Ореховском и Копорском уездах) из-за того «...как стояли под Орешком и под Ладогою немецкие люди...» (т. е. шведы), а также «...в Кореле и Х Копорью и К Яме...» [29].

В 1583 г. шведский король подписал приказ устроить на месте бывших русских укреплений в устье реки Охты шведские укрепления. В 1595 г. Россия ненадолго вернула утраченные территории. В смутное время начала XVII века здесь также прокатилась гражданская война. В 1609–1612 гг. шведские войска под началом французского маршала Де ла Гарди вновь взяли Копорье, Орешек, Иван-Город, Яму. С 1617 г. после Столбовского договора эти пространства юридически отошли к Шведскому государству. Начался новый этап истории Приневья. Граница между Россией и Швецией переместилась далеко на восток, дошла почти до реки Волхов. Вся зона перешедшего к Швеции Приневья вошла в состав Ингерманландии.

Система расселения Приневья конца XVII века хорошо реконструируется на основе многочисленных шведских архивных и картографических материалов. Шведское руководство на землях Ингерманландии провело переписи недвижимости и населения в 1618–1623, 1640–1646, 1675–1676, 1696–1699 гг. Одновременно на территории Ингерманландии шведские картографы провели несколько серий съемок, причем данные картирования после 1660-х и вплоть до 1700-х годов все более точно и подробно показывали топографию и гидрографию всей территории. Известно около 50 карт и планов шведского времени, которые позволяют достаточно точно выявить систему расселения в дельте Невы в окрестностях города Ниена и цитадели Ниеншанц, и во всей Ингерманландии [30].

В работах Ю. Н. Беспятых [31], И. П. Шаскольского [32, 33], К. И. Якубова [34], А. С. Жербина [35] и др. отмечено несколько всплесков массовых исходов русских из Ингерманландии, этих новых земель Швеции: в 1617–1618 гг. после заключения Столбовского договора; в 1620-х годах после начала интенсивного изъятия земель; в 1630–1640-х годах в разгар раздачи изъятых земель в поместья (в ленные владения); в 1656–1657 гг. во время русско-шведской войны; в 1695–1697 гг. после «великого голода» в Прибалтике. По подсчетам К. И. Якубова к 1650-м годам общее число бежав-

ших в Россию из Нотеборгского, Копорского и Корельского ленов составило около 50 тысяч человек. Одной из причин столь массовых исходов было фактическое запрещение православия с насильственным введением протестантизма [34, с. 331–332].

При шведском правительстве сохранялись общие принципы административного деления территорий, зафиксированные еще с новгородских и московских времен. Уезды новгородско-московского периода превратились в лены (*Lähn*), а погосты либо остались погостами (*Pogost*), либо, особо крупные, стали разделяться на приходы (*Sochn*). При этом шведская администрация в одних местах точно сохраняла, а в других значительно изменяла исторические административные границы ленов, погостов и приходов. Точность шведских карт дает возможность почти однозначно определить эти границы, а также нанести их на современные топографические карты. Во многих случаях административные границы шведских времен сохранились на территориях Санкт-Петербургской губернии и Ленинградской области XIX — начала XXI века.

На основании шведских карт и архивных материалов 1640–1690-х годов во всех ленах, уездах, погостах, приходах выявляется многоуровневая *система поселений* на данных территориях:

- города-центры провинций;
- города-центры ленов с административным управлением (Нотебург, Выборг, Копорье, Ямо-Город, Иван-город, Кексгольм);
- крепости;
- города, не являвшиеся административными центрами территорий и имеющие различные функции, например, торговые и ремесленные города (Ниен), центры погостов с административным управлением и погостными храмами;
- господские усадьбы и мызы (*h*.; *hof*, *hoff*);
- крупные селения (села) с приходскими храмами разных конфессий (протестантской и православной) и многофункциональным населением (*K*.; *Kyrkeby*);
- крупные многофункциональные многодворные селения;
- средние и мелкие, в том числе одно- и двухдворные селения и хутора (*bü*);
- постоянные дворы с трактирами на государственных трактах (*krog*);
- объекты специального назначения (например, охотничьи места);
- специализированные селения, сооружения и объекты (в том числе кирпичные заводы, фортификационные сооружения, стрельбища, артиллерийские лаборатории, пороховые заводы и т. д.);
- селения с мельницами;
- фортификационные объекты (шанцы, редуты и т. д.).

Естественно, данная система селений и объектов изменялась во времени, но незначительно.

На всей территории Ингерманландии конца XVII века насчитывалось 4 уезда с 27 погостами, включавших не менее 1 991 поселения разного типа. Но сейчас мы более подробно исследуем территории только погостов в границах зоны современного Большого Санкт-Петербурга с его ближайшими пригородами. Здесь имелось следующее административное деление.

N. Nöteborgs (Nötheborgs) Lähn. Включал в разные времена шведского правления 8 погостов и не менее 995 поселений разных типов: от городов до хуторов. Среди них в зоне будущего Большого Санкт-Петербурга: *Duders (Duderhofschoi) Pogost* (быв-

ший Дудеровской погост); Ingris Pogost (бывший Ижорской погост), который из-за огромных территорий был разделен на три прихода — Slawanka (Slavanka) Sochn (Славянка приход), Ingris Sochn (Ижорский приход), Lisilla (Lissila) Sochn (Лиссила приход); Karbosälschoi (Korboselshoi) Pogost (бывший Корбосельской погост); Kieltis Pogost (бывший Келтушской погост); Spaskoi (Spaschoi) Pogost (бывший Спасской Городенской погост).

C. Caporie (Capurie) Lähn. На территории лена насчитывалось 15 (или 16?) погостов, не менее 743 поселения разного статуса и разного размера. Среди них в зоне будущего Большого Санкт-Петербурга: Däglinschoi (Deglinschoi) Pogost (бывший Дягиленской погост); Dätlinschoi (Dätelits, Detlinschoi) Pogost (бывший Дятелинской погост); Kipina (Kipinschoi, Keppina) Pogost (бывший Кипенской погост) (рис. 3).

На территории вышеназванных 8 погостов в конце XVII века находились 2 города и крепости, а также не менее 902 населенных пунктов разного размера и разного типа. Причем многие из них достаточно легко проследить на протяжении веков (по крайней мере, начиная с XV века) в источниках новгородского, московского и шведского периодов — по их названиям, описаниям в писцовых книгах разных времен и т. д. Но также очень важно, что шведские карты XVII века позволили локализовать на территории эти поселения, выявить трассировку существовавшей в Ингерманландии дорожной сети, размещение всех существовавших тогда господских усадеб, храмов разных конфессий, ветряных и водяных мельниц, даже маяков на акватории Финского залива...

Среди всех известных карт Ингерманландии самая знаменитая и самая подробная «Генеральная карта провинции Ингерманландии... Андерс Андерсин» (1704) [36] (рис. 4). Эта карта, а также десятки других карт шведского времени [30], с одновременным сопоставлением данных новгородского и московского периодов позволяют реконструировать также водные пути и сухопутные дороги этой территории — огромную, очень развитую сеть дорог разного значения (от государственных трактов, до местных проездов-подъездов). Для сравнения: на территориях, взятых в качестве иллюстраций из Атласа Архимандрита Сергия (по данным новгородской переписи 1498–1501 гг.) не были отмечены около 200 поселений, упоминавшихся в Писцовой книге, и все трассы дорог, а на схеме, «привязанной» к современной туристической карте, по данным «Карты Андерсина» (1704) показаны зелеными линиями границы погостов, красными линиями обозначены государственные тракты, проходящие по этим территориям, карандашными (серыми) линиями обозначены дороги тех времен, а красными точками все существовавшие к 1704 г. поселения этих территорий. Причем большинство поселений на этой схеме подтверждаются данными переписей XV–XVI веков (рис. 5).

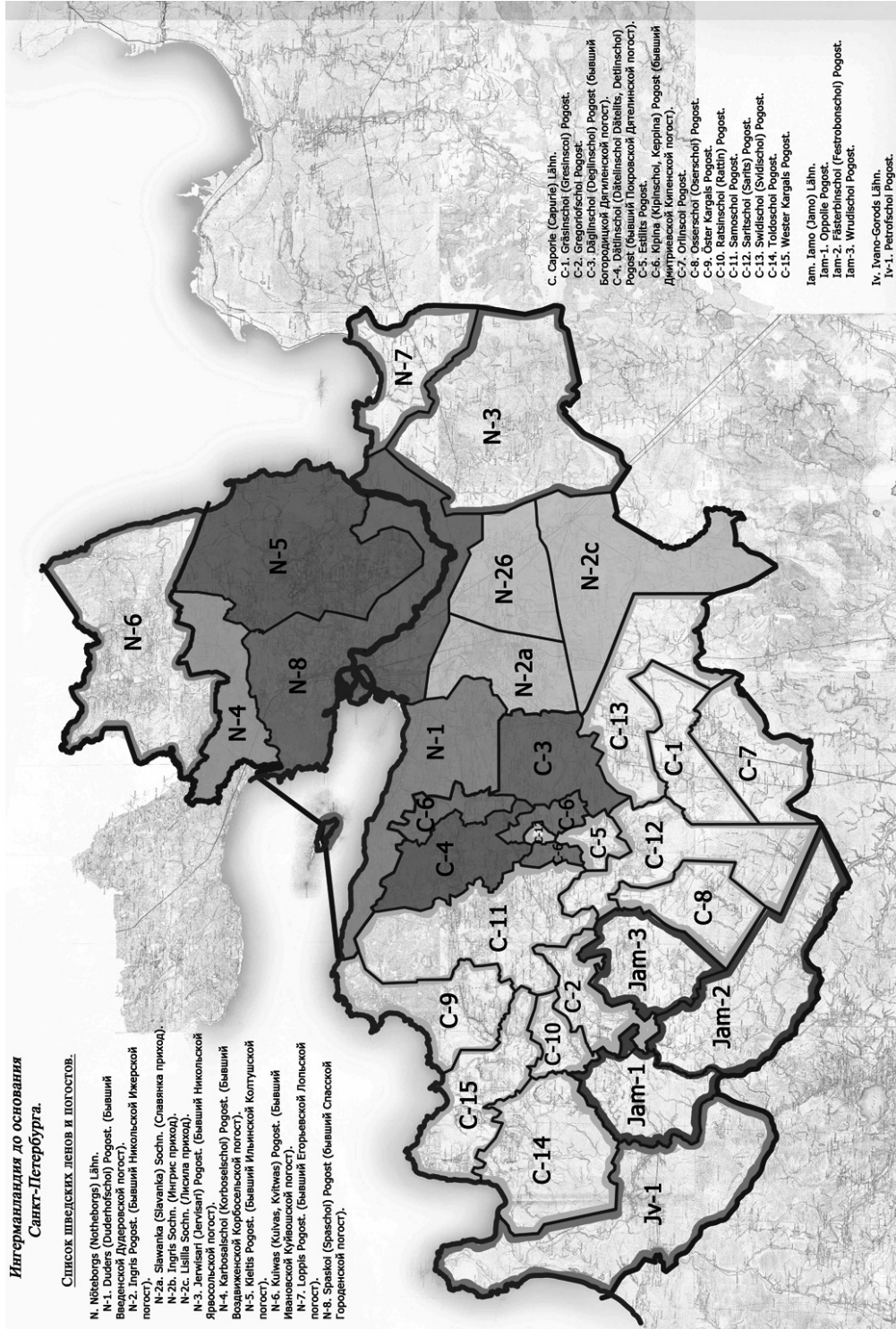
А всю грандиозную картину сельской системы расселения Ингерманландии можно увидеть на прилагаемой схеме, воссозданной по данным шведской картографии (рис. 6).

Сравнивая данные новгородского, московского и шведского периодов развития территорий Водской пятины и Ингерманландии в зоне будущего Большого Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургской агломерации), легко увидеть, что они в значительной мере совпадают и показывают очень высокий уровень заселения этих территорий. Здесь по крайней мере с середины XV до конца XVII века стабильно размещались 8 погостов, на территории которых столетиями существовали 900–1000 поселений:

**Ингерманландия до основания
Санкт-Петербурга.**

Список шведских ленов и погостов.

- N. Nöbbeborgs (Nöbbeborgs) Län.
 N-1. Duderö (Duderöförscho) Pogost. (Бывший
 Веденский Дудерёвский погост).
 N-2. Ligris Pogost. (Бывший Никольской Ижерской
 погост).
 N-2a. Славянка (Slavanka) Sostn. (Славянка приход).
 N-2b. Ligris Sostn. (Ижера приход).
 N-2c. Ligris Sostn. (Ижера приход).
 N-3. Leppisaari (Leppisaari) Pogost. (Бывший Никольской
 Явросельской погост).
 N-4. Karlovaarschoi (Korbovaarschoi) Pogost. (Бывший
 Воздвиженской Корбосельской погост).
 N-5. Meittis Pogost. (Бывший Ильинской Котлушской
 погост).
 N-6. Kulivas (Kulivas, Kuhlvas) Pogost. (Бывший
 Ивановской Кулиевской погост).
 N-7. Loppis Pogost. (Бывший Егорьевской Лопьской
 погост).
 N-8. Spasschoi (Spasschoi) Pogost (бывший Спасской
 Горюевской погост).

- C. Caporie (Caporie) Län.
 C-1. Gränsförschoi (Gränsförscho) Pogost.
 C-2. Gregoröförschoi Pogost.
 C-3. Däglinschoi (Däglinschoi) Pogost (бывший
 Богородицкий Деглинский погост).
 C-4. Dätelinschoi (Dätelinschoi) Dätells, Dätelinschoi
 Pogost (бывший Покровской Деглинский погост).
 C-5. Esdills Pogost.
 C-6. Kirpa (Kirpa, Kerpa) Pogost (бывший
 Деглинский погост).
 C-7. Orlinschoi Pogost.
 C-8. Österschoi (Österschoi) Pogost.
 C-9. Öster Kargals Pogost.
 C-10. Ratsinschoi (Rattin) Pogost.
 C-11. Samoschoi Pogost.
 C-12. Sartschoi (Sarts) Pogost.
 C-13. Swidschoi (Swidschoi) Pogost.
 C-14. Tolidschoi Pogost.
 C-15. Wester Kargals Pogost.
 Jam. Jamo (Jamo) Län.
 Jam-1. Orpalla Pogost.
 Jam-2. Flästerinschoi (Festrobonschoi) Pogost.
 Jam-3. Wrudilschoi Pogost.
 Iv. Ivano-Gorods Län.
 Iv-1. Petrofschoi Pogost.

Рис. 3. Схема шведских ленов и погостов на территории Ингерманландии. Вплоть до 1703–1704 гг. (По данным шведской картографии)

Рис. 4. Генеральная карта провинции Ингерманландии... Андерс Андерсин. 1704 г. [36]

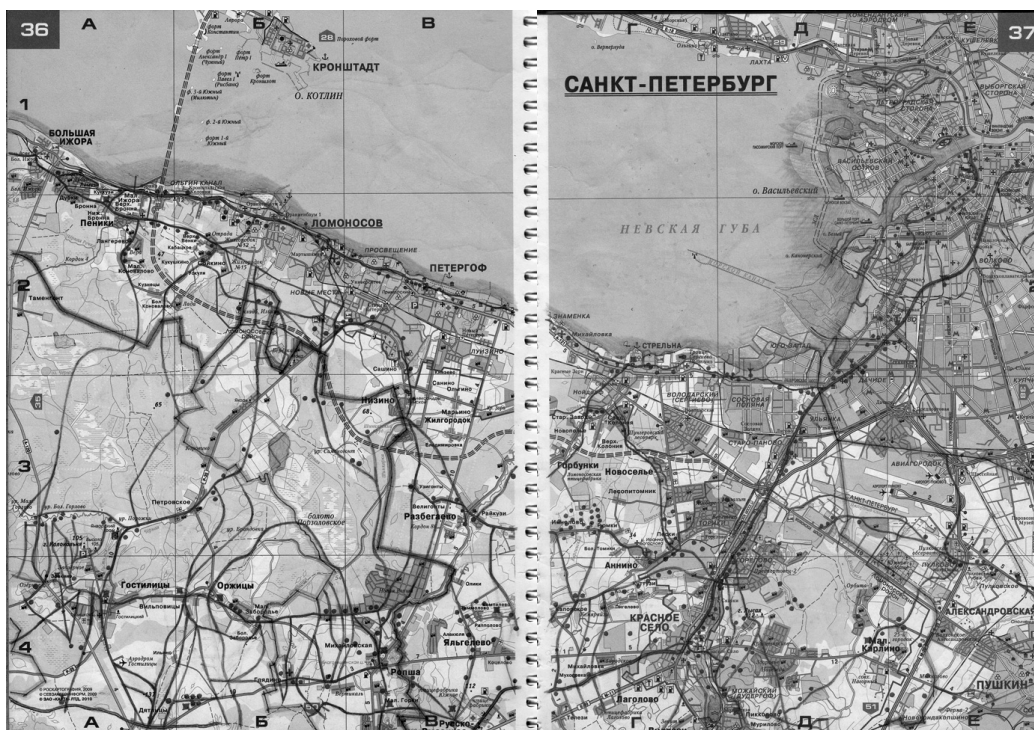

Рис. 5. Система поселений и дорог шведского периода на современной туристической карте в зоне пригородов Санкт-Петербурга (фрагмент)

Рис. 6. Ингерманландия до основания Санкт-Петербурга (до 1703). По данным шведской картографии

в 1470–1490-х годах — один город и не менее 998 поселений, в 1498–1501 гг. — 1 город и не менее 994 поселений, в 1690-х годах — 2 города и крепости, а также не менее 902 населенных пунктов разного размера и разного типа. Они были соединены тысячами верст также стабильно существовавших дорог разного значения.

Многовековая стабильность существовавшей сельской системы расселения Приневья, практически неизменная густота размещения поселений в данном регионе и очень плотная сеть водных и наземных путей сообщения — все это свидетельствует о том, что к моменту основания Санкт-Петербурга эти территории не были пустынными.

После основания Санкт-Петербурга были запущены процессы «вбирания» этой системы уже в городские пространства. Сотни верст сухопутных дорог стали основой городских улиц и магистралей в самом Санкт-Петербурге и его пригородах. Десятки селений стали основой кварталов и слобод при строительстве города с первых лет его жизни. Таким образом, допетербургская система сельского расселения во многом предопределила особенности территориального развития Санкт-Петербурга и всех его окрестностей и стала его фундаментом (пространственным каркасом), постепенно и последовательно преобразовываясь в развитую систему городского расселения.

Масштабность и величие Петра I, его соратников и последователей не в том, что великий столичный город был создан на пустом необжитом месте, как настойчиво утверждает легенда. А в том, что взяв за основу устоявшуюся в веках развитую сель-

скую систему расселения Приневья с несколькими городами и крепостями, с тысячами сельских поселений, многими тысячами верст дорог, всего за несколько десятилетий удалось **реконструировать** ее (не уничтожая и не разрушая) в блистательную столичную городскую агломерацию мирового уровня. Изучение показывает, что каждый раз, когда возникал вопрос: создать что-то заново, разрушив имевшееся, или реконструировать и преобразовать то, что уже было, — выбирался вариант сохранения и преобразования. Это касалось **всех** ансамблей города и пригородов, всех систем дорог и трактов, всех элементов водных систем и т. д. Фактически, легенда о создании Санкт-Петербурга на пустом месте значительно умаляет подвиг Петра I.

Литература

1. Ипатьевская летопись. СПб., 1871.
2. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л., 1926. 286 стб.
3. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
4. *Глазырина Г. В.* Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты, перевод, комментарии. М.: НЦ «Ладомир», 1996. 235 с.
5. *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1993. 302 с.
6. *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий. М.: НЦ «Ладомир», 1994. 254 с.
7. *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1986. 240 с.
8. *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XV вв. (Материалы и исследования). М.: Наука, 1978. 240 с.
9. *Стеблин-Каменский М. И.* Древнескандинавская литература. М.: Высш. школа, 1979. 192 с.
10. Hydrographisk Charta öfwer Nefva Strömmen alt ifrån Nyenska redden i SaltSion til Noteborgs redd i Ladoga Sion med dess ratta Situation och diuplek-Samt grund och bankar observervad uti Maÿ och Junii Manader Anno 1701 af Carl Eldber = Гидрографическая карта реки Невы от рейда Нена в Соленом озере до рейда Нотеборга в озере Ладога, с ее исправленной ситуацией и глубиной, а также отмелями и банками, измеренными в мае и июне, 1701 г. Карл Элдберг // Санкт-Петербург. РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 539.
11. Хроника Эрика, или древнейшая Рифмованная Хроника // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М.: Наука, 1978. С. 105–123. (Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1978 г.)
12. *Семенцов С. В.* Территориальное развитие Приневья: преобразование и стабильность // Скандинавские чтения 1998 года. СПб.: МАЭ РАН, 1999. С. 117–163.
13. Древнерусское градостроительство X–XV веков / под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1993. 392 с.
14. *Рыбаков Б. А.* Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси, упоминаемых в русских письменных источниках // История культуры древней Руси. М.; Л.: Наука, 1951. Т. 1.
15. *Тверской Л. М.* Русское градостроительство до конца XVII в. М.; Л., 1953. 215 с.: ил.
16. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города: 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. 477 с.: карты.
17. Карта Финляндии съ показаніемъ границъ Россіи и Швеціи въ разное время по договорамъ, а также по картамъ русскаго генеральнаго штаба, Гермелина, Лоттера, Афф-Кнорринга и др. // Ординъ К. Ф. Покорение Финляндии. Опыт описанія по неизданнымъ источникамъ. СПб.: Тип. I. П. Скороходова. 1889. Т. 1.
18. Переписная Окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года. Сообщ. Д. Ч. Кн. М. А. Оболенскимъ (2-я половина) // Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. М., 1851. Кн. II. С. 111–431.
19. Новгородскія Писцовыя книги, изданныя Археографическою комиссією. Т. III. Переписная оброчная книга Вотьской пятины, 1500 года. Первая половина. СПб., 1868. Стб. 603–680, 826–832.
20. *Неволин К. А.* О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI веке, съ приложеніемъ карты. СПб.: Тип. Акад. Наукъ, 1853. 415 с.
21. *Архимандритъ Сергій.* Черты церковно-приходскаго и монастырскаго быта въ Писцовой книге Водской пятины 1500 года (въ связи съ общими условіями жизни) СПб., 1905.

22. Карты Водской пятины и ея погостовъ въ 1500 году / сост. Архимандритъ Сергій. [Приложение къ сочиненію Архимандрита Сергія «Черты церковно-приходскаго и монастырскаго быта въ Писцовою книгѣ Водской пятины 1500 года (въ связи съ общими условіями жизни)». СПб., Картографическое заведеніе А. Ильина, 1905. 25 карт.

23. *Гневушевъ А. М.* Очерки экономической и социальной жизни сельскаго населенія Новгородской области после присоединенія Новгорода къ Москвѣ. Т. 1. Сельское населеніе Новгородской области по писцовымъ книгамъ 1495–1505 гг. Кіевъ, 1915. 783 с.: табл.

24. *Гневушевъ А. М.* Къ исторіи поместнаго землевладенія въ Новгородской области // Сб. статей въ честь М. К. Любавскаго. Петроград, 1917. С. 524–538.

25. Аграрная исторія Северо-Запада Россіи. Вторая половина XV — начала XVI в. / рук. авт. кол. А. Л. Шапиро. Л.: Наука, ЛО, 1977. 402 с.

26. Аграрная исторія Северо-Запада Россіи XVI века: Новгородские пятины / рук. авт. кол. А. Л. Шапиро. Л.: Наука, ЛО, 1974. 322 с.

27. *Jordeböcker öfver Ingermanland.* Писцовыя книги Ижорской земли. Томъ 1. Годы 1618–1623. Санктпетербургъ: Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1859. 147 с.

28. *Семенцов С. В.* К вопросу об особенностях заселенія территорій Приневья и Приладожья до основанія Санкт-Петербурга // Петербургскіе чтенія — 97: Петербург и Россія. СПб., 1997. С. 95–113.

29. Писцовая книга Воцкой пятины письма и меры Елизаря старого и подъячего Семена Киселева 7090 года / Предисловіе Д. Ч. И. Д. Беляева // Временникъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и Древностей Россійскихъ. Кн. 6. М., 1850. С. I–VI, 1–126.

30. *Семенцов С. В.* Планы Санкт-Петербурга и карты Санкт-Петербургской губерніи как важнейшіе источники. Ч. 1: Предысторія развитія территорій Приневья и Приладожья до основанія Санкт-Петербурга // Собрание карт Санкт-Петербурга в библиотеках, архивах и музеях. Материалы 5-й конференціи по информационным ресурсам петербурговеденія. 10 марта 2010 года. СПб.: ЦГПБ им. В. В. Маяковскаго, 2010. С. 7–100.

31. *Беспятых Ю. Н., Шаскольскій И. П.* Ижорская земля в XVII веке // Аграрная исторія Северо-Запада Россіи XVII века: населеніе, землевладеніе, землепользованіе. Л., 1989.

32. *Шаскольскій И. П.* Столбовскій мир 1617 г. и торговые отношенія Россіи со Шведским государством. М.; Л.: Наука ЛО, 1964. 218 с.

33. *Шаскольскій И. П.* Материалы по исторіи Ижорской земли и Корельскаго уезда XVII в. в Государственном архивѣ Финляндіи // Вспомогательные историческіе дисциплины. 1979. Т. XI. С. 113–134.

34. *Якубовъ К. И.* Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII века. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Московскаго главнаго архива Министерства иностранныхъ Дѣлъ и Шведскаго государственнаго архива и касающихся исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ 1616–1651 г. Съ предисловіемъ, примечаніемъ и алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ. М., Университетская типографія, 1897. 493 с.

35. *Жербин А. С.* Переселеніе карелъ в Россію в XVII веке. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1956. 79 с.

36. General Carta Öfwer Provincien Ingermanneland dwisten delf noga Uthwÿsar Dela dhес Situation Fämfe alle der ütsi Belägue Kÿrtior, Dâft, Bijar och Torv, Tillyka medс alle der igenom sträckande Större och mindre Wägar samst ... midh Kongl: Maÿts: Landtmäterÿ Contvir Anno 1704: af det af från Narfwen vor 1703 öfwersände Conceptet Sammandraget uf Vasl: Ingenieuren Erich Beling så mäll uf 1678... och dhe senare Dÿders Mätningar öfwer Nötheborgs Lähns Norra dehl unoverat... Anders Andersin (1704) = Генеральная карта провинціи Ингерманландіи, которая показывае всю ее ситуацию, расположеніе всехъ церквей, усадеб, селеній, болот, протяженіе большихъ и малыхъ дорог, а также озер, малыхъ рекъ и ручьев, скопированной Его королевскаго величества Главнымъ землемернымъ управленіемъ в 1704 г., из Нарвы в 1703 г. пересланная с замечаніемъ Эрикомъ Белингомъ о томъ, что согласно работѣ 1678 г. и при болѣе позднихъ измеренияхъ северная часть Нотеборгскаго лена была обновлена. Андерс Андерсин (1704) // Stockholm. Kungliga Biblioteket. Utländska handritade kartor 15. Stort förmät.

Статья поступила в редакцію 21 ноября 2014 г.

Контактная информация

Семенцов Сергей Владимирович — доктор архитектуры, профессор; s.sementsov@mail.ru

Sementsov Sergey V. — Doctor of Architecture, Professor; s.sementsov@mail.ru